

ЗЕМЛЯКИ

В мрачные дни, а они у всех случаются, всякому живому человеку мерещится, что жизнь его собственная склепана сплошь из звеньев ошибок и лжи. Воображается подобное передко и мне. В такие часы болезненно и скрупулезно перелистываешь свои прошлые дни, торопливо прозваниваешь кабель судьбы на повреждение и зачастую в отчаянии и страхе принимаешь частную ошибку за горе жизни, за неистребимую печаль. Ну в самом деле, горе уж такое, что ли, если ты ездил на автомобиле без масла, запорол двигатель, стукнулся о другой автомобиль и ремонт обошелся тебе в половину стоимости всего движущего агрегата?! Да ерунда по сравнению с тем, что сыну вывели в четверти двойки по алгебре и геометрии и ты не знаешь, что делать, как спастись, будто ты сам у доски и на тебя смотрят весь класс, родители, учителя и зрители, а ты забыл текст, всем мешаешь жить и учиться, ты всех тянешь вниз и нет у тебя выхода вверх. Иные оплошности разрастаются до опасности злоедей опухоли, превращаются в хроническую боль, от которой избавиться можно, говорят, лишь поделившись ею с другими.

Так, я не бросил горсть земли на гроб моего партнера и друга. Я был занят тем, что, сцепившись локтями с другими организаторами похорон, сдерживал толпу, рвущуюся к гробу. А когда двинулся к могиле сам, теми же локтями всех расталкивая, на месте ямы вырос холм, придавленный горой из цветов и венков. Я не успел. Моей горсти в этом холме нет, и оттого тошно мне, что-то скользкое прикасается к моему сердцу и пробует его ядом, когда память в ненастные дни возвращает мне эту оплошность.

Другая боль, в которой и признаться стыдно, — я обокрал себя, пропустив в свое время явление Шукшина, читая его мало и невнимательно. Пропустил почти сознательно, следя за ним издали, на расстоянии, уши мои да не слышали, хотя наши села друг от друга в семидесяти верстах. Я не удосужился познакомиться с Василием Макаровичем, хотя мы однажды гримировались в одной уборной на «Мосфильме» и, как коллеги, здоровались врасплох, столкнувшись в дверях. Он заканчивал работу над «Калиной»... А я стеснялся к нему подойти, таким он казался мне серьезным, сердитым, к себе не допускающим. Впрочем, странно, но я увидел его живого всего один раз. Второй раз я увидел его уже теплотой на Оби. Он ходоком шел в свою сторону, к Бийску, мимо нашего села. Но и тут мои глаза не прозрели. Я робел его живым и был «гордыней обуянный» по молодости. Ждал, когда сам сделаю что-нибудь путное, чтобы прийти к нему на знакомство не с пустыми руками. И опоздал.

«Земляки — это почти родня, если другой родни нет», — говорит народ. Если это так (а это так), то Василий Макарович самый богатый на родню человек, потому что читатели и зрители у нас и за пределами наших земель волею его могучего таланта стали его «земляками», освоили его Алтай. В этом я сто раз убедился воочию на Пикет-горе в июле 1979 года на Шукшинских чтениях в честь 50-летия со дня рождения писателя. И опять же земляки меня на то сподобили. Сам-то я, глядишь, и не оторвался бы от своего корыта, дел, семьи и съемок.

В разгар сезона, в январе, спектакль играть начинать, а мне говорят: «Вас на выходе родня ждет, шестнадцать человек». — «Что за шутки?» — «Нет, всерьез. А старшая говорит — за одной партией с вами

сидела». Иду, гляжу... Стоят, прильнув к стеклу, пятнадцать ребят — мальчишек и девчонок, моих алтайцев. Их не спутаешь ни с рызанскими, ни с вологодскими лицами, девятиклассники из села Павалихи, моя земляки, моя «родня». Их привезла в Москву, привела в театр классный руководитель Валентина Дмитриевна Строгова, с которой я никогда ни на какой парте не сидел — мы из разных деревень... «Вот ребята... победители... лучший класс... на заработанные в колхозе деньги... куда — к земляку... в театр... днем у Шукшина были... на Новодевичьем... тоже не пускали... строго... но все же пустили...»

Куда же еще, господи? Конечно, правильно, к земляку, только что же делать, шестнадцать человек в дефицитный театр! Что же делать? А делать ничего не надо. Надо, чтоб они увидели театр, посмотрели спектакль, рассказали дома, чем занимается их земляк в столице. Как быть? Отпустить с миром — дескать, не могу, ребята, поздно, предупреждать надо? Нет, не поймут и не поверят. Нет, не могу отказать и принимаю, что хоть камни с неба, а в театре они должны быть СЕГОДНЯ. «Днем у Шукшина были, вечером к живому». Бегу к директору. Тот аж оторопел. «Ты что, друг любезный, офонарел?.. Куда же я их растолкаю, ораву такую, меня же пожарники оштрафуют...» — «Но ведь дети не в зоосад, не на хоккей — в театр просятся». «Так кричу, почти что плачу», как Теркин говорил. Заявляю вдруг, другого не подвернулось ничего: «Не выйду на сцену, без них спектакля не начну!»

Не мой ультиматум, конечно, убедил директора пойти на противопожарное нарушение, а мое состояние и его чутье человеческое. Каким-то чудом — девчонок в зале, мальчишек на балконе — устроил моих земляков директор... После спектакля усадил я их в пустом полутемном партере и стал рассказывать, что такое есть собственно театр...

Я пел им, выкатив рояль на середину Северянина и Вертинского, из «Бумбараша» и Мопарта. Вспомнил, как жевал сургуч в «Пакете», как легал Бумбарашем на воздушном шаре в одних подтанниках, и шел снег. Как плел в осинку в болоте, где просидел, не вылезая, пять часов, а потом с меня сняли шесть пиявок, и почему Мопарт с такой определенностью говорит Сальери: «Довольно... сыт я...» — сыт угощением, вином, друзьями... жизнью... Они спрашивали меня про мою жизнь, и я рассказывал про нее все, что знал... И, конечно, долгий разговор про Василия Макаровича Шукшина. Шел год его пятидесятилетия, они собирались в шолле пройти в Сrostки пешком на чтения и звали меня. Щедрый и богатый был вечер для всех.

На прощание впили они мне в такси все, что взяли в неблизкую дорогу, — картошку, грузди, калину пареную, четверти облепихи и брусники, водой залитые... кедровую ветку с шишками и каравай. И все это, как сказала Валентина Дмитриевна, ребятки собирали сами, солили, варили, пекли и вышивали рушник. Как они обогрели меня и помогли с духом собраться, мне тогда было шибко не по себе. Вовремя они оказались рядом. А все она, Учительница, что приняла их четвероклашками, вела, наставляла, учила русскому языку, литературе и жизни — делала их души. Маршрут у них был иной, но она привела их к воротам Новодевичьего монастыря, вела дипломатную с охраной и... уговоряла. «Там много священников могила... но нам надо нашу, родную... Мы знаем, ему будет приятно, а нам полезно, поверьте нам...» И ее вера поверила даже строгаю московская милиция...

Вот какие у нас с Василием Макаровичем земляки растут...

Отрывок из книги Валерия Золотухина «Печаль и смех моих крылечек», подготовленной издательством «Современник».